

вой Копешкин («Красное вино победы»). Но как очевидна в этом эпосе именно «завязь характеров», молчаливое восхищение автора тем, что после всех испытаний человек в них остается человеком, не теряет образа Родины в памяти.

Василий Дмитриевич Федоров (1918—1984) родился в Кемерове, в многолетней рабочей семье, но вырос в деревне Марьевка Кемеровской области: ее он и стал считать своей родиной. Поэт даже написал поэму «Марьевская летопись» (1946) о своем труде — пастуха, водоноза, пахаря.

Многие годы Федоров работал в Новосибирске на авиационном заводе. В силу обстоятельств поэт был вынужден создавать пафосную, натужно-оптимистическую лирику, превращать поэмы — он автор многих поэм, среди которых есть и поэма с необычным, шокирующим сюжетом «Женитьба Дон-Жуана» (1973—1977) — в растянутые оды. Но исключительная честность, убежденность, что истинная поэзия обязана быть смелой, новаторской, «левой», но «не левее сердца», долг перед людьми, отдавшими Родине в годы Великой Отечественной войны силы, красоту, цветение молодости, всегда уберегали его от фальши.

За красоту
Людей живущих,
За красоту времен грядущих
Мы заплатили красотой —

так обозначил он весь крестный путь России.

Поэма «**Проданная Венера**» (1956), где и прозвучали эти знаменитые слова, содержит, причем во всем сюжете, на всех уровнях текста, один взыскательный вечный вопрос. Прекрасен в поэме портрет деревенской красавицы Наташи Граевой, стыдливой, смущаемой в юности восторгами, но в годы войны отдавшей все цветение жизни тяжелым трудам, делу Победы. Ее поэт видит такой:

...с темными горшками,
Перекаленными в печах,
С шестипудовыми мешками
На перекошенных плечах.
При встрече
На дороге пыльной
Ее глаза несли мне весть,
Что от работы непосильной
Вся свяла, не успев расцвести...

В.А. Солоухин.
Фотография Е. Ряпасова

В.Д. Федоров.
Фотография Н. Кочнева

На фоне этой судьбы участь другой «Венеры» — картины Тициана, проданной в годы индустриализации, в дни строительства Магнитки и Кузнецкстроя, в обмен на зарубежные станки, моторы, уже не столь трагична. Эта тициановская Венера тоже может «обижаться»: ведь утрата ее — тоже убыль красоты России, пусть и временная, возместимая. Перед ней еще можно оправдаться. А вот когда перед совестью поэта является постаревшая Наташа Граева, когда она с укором смотрит на него, то всякая сухая диалектика, риторика оправданий куда-то испаряется:

— Вы перед вечной оправдались,
Попробуйте перед земной...

Не заключена ли в этих словах вся судьба России, вечно жертвующей многим, спасающей красоту времен грядущих ценой многих не расцветших жизней? Как оправдать эти жертвы?

Василий Федоров был моральной опорой, неофициальным лидером русской *гражданственной поэзии*, противостоявшей и «эстрадной» поэзии, и отчасти внесоциальной «тихой» лирике. Далеко не все равноценно, удачно в лирике его учеников — например, выходца из смоленского села Заболотье Владимира Фирсова (р. 1937). Но нередко и в их поэзии являлись — в духе В. Федорова, помнившего, что «сердца — это высоты, которых отдавать нельзя», — памятные поэти-

ческие обобщения, полные острой тревоги, воли защитить русский народ, вечно виноватый, от тех или иных злобных обвинений:

Мы виноваты...
 А по чьей вине
 На каждого Ивана — по войне,
 На каждую могилу — по кресту
 Иль по звезде, чтоб видеть за версту?!

Владимир Алексеевич Солоухин (1924—1997) родился в селе Алепине Владимирской области в крестьянской семье, учился в индустриальном техникуме, а после службы в полку специального назначения в Кремле (1942—1946) поступил на поэтический семинар Литературного института. В родном Алепине писатель и был похоронен.

Свой литературный путь начал как журналист «Огонька», автор поэтических сборников «Разрыв-трава» (1956), «Журавлиха» (1959), «Имеющий в руках цветы» (1962) и др. Но подлинным открытием своего, солоухинского, философско-лирического художественного мира стали его **«Владимирские проселки» (1957)** — в жанровом плане это очерки и дневник пешего путешествия по Владимирскому Ополю, от Юрьева-Польского до древнего Суздаля, города-памятника, — и сенсационные художественно-исторические очерки **«Письма из Русского музея» (1966)** и **«Черные доски» (1969)**.

«Я шел по родной земле, я шел по своей тропе», — скажет о себе Владимир Солоухин. Эта тропа к малой родине, протоптанная им, потом разветвилась, «разбежалась» в русской прозе на множество подобных же путешествий «по родным проселкам». Он убедил, что тропа, даже тропинка к малой родине, к стране детства не беднее любой «магистральной». «Солоухинская тропа» до сих пор поражает радостью первооткрывателя, свежестью восторгов, богатством эмоциональных впечатлений.

«А однажды подняли глаза и остановились замороженные... Далеко над рожью сверкнула белизной островерхая башенка с голубой луковкой, а рядом пять башенок и пять луковок вместе, а левее — высокая тонкая колокольня. А еще левее розоватые, как бы крепкие стены монастыря — тоже все в башенках... Кроме полутонов участвовали в создании сказочной картины три основных цвета — зелено-золотой — ржаного поля, темно-голубой — небесного фона и сверкающий белый — многочисленных суздальских церквей», — писал Солоухин о своем вхождении в Суздаль, о подъеме души, открывшей это сокровище русской истории.

В «Письмах из Русского музея» Солоухин запечатлел свое духовное восхождение к величию русской иконы, к чудесным творениям двух «Моцартов русской церковной живописи» — Дионисия и Андрея Рублева. «Висит несомненный шедевр, который хоть в Эрмитаж, хоть в Лувр... Под иконой — табличка: «Село Кривое»... Не какой-нибудь народный примитив, не экзотика, не африканская маска, не глиняный божок... По сказочной жар-птице на каждое северное село», — писал он о своем паломничестве в деревни и монастыри Вологодчины.

Владимир Солоухин был истинным хранителем духовных ценностей России, ее памятников — от усадьбы Г. Р. Державина Званка, Оптиной пустыни до храма Христа Спасителя в Москве. Не потеряли своего значения и его душевные книги «**Времена года: Картины русской природы**» (1964), «**Третья охота**» (1967), книга о радости сбора грибов, третьей — после ружейной и после рыбной ловли — охоты.

Нельзя не оценить — и весьма высоко — и творческий путь поэтов всех республик России, в те 50–80-е годы уже не просто активно учившихся у мастеров русской культуры всех эпох. Всероссийский читатель давно слышал их самобытные голоса. Замечательный башкирский поэт **Мустай Карим** (1919–2005) сказал от имени всей плеяды народных поэтов и прозаиков Башкортостана, Татарии, Дагестана, Калмыкии, Кабардино-Балкарии, Чувашии, Удмуртии, Коми и др.:

Не русский я, но россиянин. Зваться
Так навсегда, душа моя, гордись!
Пять жизней дай! Им может поравняться
Моей судьбы единственная жизнь.

Это высокое чувство семьи единой, умножающее силу всхожести таланта, силу родной почвы, никогда не сглаживало яркой национальной специфики поэтических голосов. Прежде всего собратьев Мустая Карима, балкарца **Кайсына Кулиева** (1917–1985), бывшего бойца-парашютиста в годы войны, певца «раненого камня», и аварца **Расула Гамзатова** (1923–2003), проза и песни на стихи которого (особенно его классическое стихотворение-реквием «Журавли», поэма «Горянка» и книга прозы «Мой Дагестан» в переводе В. Солоухина) вошли в духовный мир всей России. Всероссийский читатель благодаря переводам на русский язык осознал как часть общего пространства культуры и интеллектуальную поэму «Бунт разума» (1987) калмыка **Давида Кугультинова** (1922–2006), и творческие искания мастера верлибра чуваша **Геннадия Айги** (1934–2006), ученика М.А. Светлова, и роман «Чудесные мгновения» (1981) кабардинца **Алима Кешокова** (1914–2001),

и прозу нивха **Вл. Санги** (р. 1935) и чукчи **Ю. Рытхэу** (1930–2008), и языческие поэмы манси **Ю. Шесталова** (р. 1937).

Все они по-своему выразили подъем национального самосознания, волю своих народов к осмыслению своего прошлого, своего неповторимого лица и судьбы в изменчивом мире. Эти поэты вписали на литературную карту России и «Севера доверчивый простор», и степи, и Урал, где Европа сходится с безбрежной Азией, и, конечно, Кавказ. Строки Кайсына Кулиева:

Когда я говорю с горами,
Я с целым миром говорю.
Мне внемлет дерево, и камень,
И свет, рождающий зарю.

Я говорю с нависшей где-то
Вершиною, что так бела,
Как будто совесть мира это
И лишь такой она была, —

могут быть по праву оценены и сейчас как призыв сберечь чудесное общее пространство нашей культуры. «Вражды между народами не бывает, бывает она между амбициозными властолюбцами или кровавыми злодеями, — говорил в 2004 году мудрый аксакал башкирской культуры Мустай Карим. — Вот они-то, поджидая время хаоса, вседозволенности и безнаказанности, затевают кровавые побоища».

Прочтите вслух хотя бы одно — из последних лирических автопортретов — стихотворение Мустая Карима из цикла «В несправедности дни душа моя безгласна» (2004):

Стареют радости мои,
И обновляются тревоги...
На изнурительной дороге,
Душа, об отдыхе моли!..

Добро, содеянное мной,
На дно уходит. А всплывают
Мои ошибки. Так бывает
Нередко на тропе земной.

Мир косо на меня глядит:
Не задержался ль я на свете?
Меня обходит даже ветер,
Волос моих не шевелит,
А тербит ковыль в степи...

...И это, старина, стерпи.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что объединяет военные повести Е. Носова с произведениями, воссоздающими картины мирной деревенской жизни? Как в творчестве писателя представлены народные характеры и судьбы?
2. В чем суть полемики между В. Шаламовым и А. Солженицыным применительно к «лагерной» теме?
3. Чем отличалась поэзия В. Федорова от «громкой», эстрадной, и «тихой» лирики 60–70-х годов?
4. Что является объектом *словесной живописи* В. Солоухина? Как в его произведениях воплощена идея духовной жизнеспособности нации?

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Военный эпос.
«Лагерная» проза.
Гражданственная поэзия.
Жанр путевых заметок.
Словесная живопись.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Шкловский Е. Варлам Шаламов. М., 1991.
2. Чалмаев В.А. Храм Афродиты: Творческий путь и мастерство Е. Носова. М., 1972.
3. Шевелева И.М. «Не левее сердца»: Литературный портрет поэта В. Федорова. М., 1990.
4. Цветов Г.А. Художественно-публицистическая проза Вл. Солоухина // Жанрово-стилевые поиски советской литературы 70-х годов. Л., 1981.